

*Березовская
Даша*

*Кошка
на той стороне*

ТОЛЬКО НЕ ТЫ!

Ольга Березовская

Кошка на той стороне.

Только не ты!

<https://litres.ru/74078334>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она – джазовая певица с десятилетней дочерью и вечным беспорядком в квартире.

Он – архитектор, который мечтает о тишине и ненавидит громкую музыку.

Они – бывшие, которые не виделись одиннадцать лет.

Теперь они соседи, которых разделяет только бетонная стена и куча невысказанных обид. Но есть одна проблема. Кошка Маркиза не признаёт границ. Она перепрыгивает с террасы на террасу, знакомит десятилетнюю Соню с «дядей Олегом».

Есть ли у них шанс?

Романтическая история о втором шансе, семейных тайнах и кошке, которая знает всё.

Ольга Березовская

Кошка на той стороне.

Только не ты!

Глава 1. Архитектор и его крепость

– Олег, эти ключи от входной двери, этот от домофона, ключ-брелок для комнаты-кладовой, – тараторит риэлтор, выкладывая всё это на стойку в холле. – И инструкция по эксплуатации всего, что есть в доме. Отопление, вентиляция, кондиционирование. Там всё просто, но инструкцию я вам должна дать.

Я смотрю на ключи. Два металлических, один пластиковый, брелок с логотипом застройщика. Тяжелые. Из качественного материала. Я беру их в ладонь, сжимаю. Они чуть холодят кожу.

– Поздравляю вас с приобретением недвижимости! – продолжает риэлтор. – Квартира просто сказка! Вид оттуда потрясающий, вы не представляете! Я сама, когда первый раз зашла, просто ахнула!

Я представляю. Я архитектор. Я представляю себе вид из любого окна еще до того, как здание построено. Это моя работа. Но я только молча киваю.

– Третий подъезд, двадцатый этаж, – добавляет она, будто я могу забыть. – Если что – звоните! Я на связи двадцать

четыре на семь!

Двадцать четыре на семь. Кому вообще нужен риелтор в три часа ночи?

– Спасибо, – прерываю я этот поток речи. – Дальше я сам.

Она моргает, явно рассчитывая на большее. На чай, на экскурсию, на возможность еще пощебетать о планировках и высоте потолков. Но я уже иду к лифту.

– Приятного проживания! – несется мне вслед.

Лифт открывается сразу, будто ждал меня. Я захожу, нажимаю кнопку двадцатого этажа. Двери закрываются, отрезая меня от холла, от розовой риелторши, от всего мира. Остаюсь только я и моё отражение в зеркальной стене лифта.

Смотрю на себя со стороны. Тридцать пять лет. Скоро будет тридцать тридцать шесть. Седина на висках, усталые глаза. Сказывается недавний развод, делёжка имущества и бесконечные «ты мне должен» и «я тебе не должна». В общем на лице явно видны следы недавнего прошлого, которое уже почти прошлое, но еще не до конца отпустило. Куртка новая, дорогая, кожаная. Хорошая качественная одежда – моя слабость.

Лифт едет медленно. Я считаю этажи. Пятый. Десятый. Пятнадцатый. Семнадцатый. На семнадцатом мы прожили семь лет с Ириной. Вспоминаю как мы спорили о ремонте. Как она хотела цветочки на обоях, мне же хотелось окрасить стены. Как мы ругались, мирились, снова ругались. Как потом разводились и снова ругались, но уже без примирения.

Двадцатый. Лифт останавливается, двери открываются. Я выхожу в коридор. Пахнет новой штукатуркой, свежим ремонтом и обещанием другой жизни. Коридор длинный, светло-серый, с черными полосами на полу – дизайнерский ход, я одобряю. Иду к двери с номером 254. Моя дверь.

Вставляю ключ. Поворачиваю. Замок щелкает с таким звуком, будто говорит: «Добро пожаловать домой». Новая жизнь. С чистого листа.

Эхо шагов разносится по пустым комнатам, отражается от стен, от пола, от огромных панорамных окон. Я специально делаю несколько шагов, прислушиваюсь. Акустика хорошая. Не гулкая, как в колодце, а мягкая.

Иду вглубь. Гостиная встречает меня светом. Солнечные лучи заливают всё пространство, отражаются и делают его теплее, живее. Я останавливаюсь в центре комнаты и медленно поворачиваюсь, осматриваясь. Тридцать метров свободного пространства. Ни одной лишнего выступа, который пришлось бы обыгрывать мебелью. Прямоугольник. Идеальная геометрия.

Подхожу к окну. Стекло от пола до потолка, без перегородок. Я прижимаюсь лбом к прохладной поверхности и смотрю вниз. Двадцать этажей. Машины – как муравьи. Люди – как точки. Город шумит где-то там, внизу, но сюда, на высоту, долетает только тихий, приглушенный гул. Фон, а не раздражитель.

Отхожу от окна и провожу рукой по стене. Штукатурка

легла идеально. Гладко, без бугров, без трещин. Я знаю, что это не результат везения, а долгой работы. Моего проекта. Моих требований к подрядчикам. Я три года назад утверждал спецификации для этого дома, и приятно видеть, что они не схалтурили.

Иду дальше. Спальня. Пятнадцать метров. Этого достаточно. Я уже мысленно расставляю мебель: кровать сюда, шкаф сюда, минимум всего. Спальня нужна только для сна. Остальное – лишнее. Маленькая, но функциональная гардеробная.

Возвращаюсь в коридор и захожу на кухню. Здесь уже встроена техника – тоже по моему проекту, но уже лично-му. Холодильник, плита, вытяжка, посудомойка. Всё черное, матовое, без лишних кнопок. Минимализм. Функциональность.

Обхожу ещё раз квартиру. Всё идеально. Даже странно, что строители ничего не испортили. Обычно после них приходится переделывать, доделывать, доводить до ума. А здесь – готово. Сразу можно жить.

Закрываю глаза и просто стою. Слушаю. В квартире тихо. Ни звука. Идеально.

Терраса! Как я мог забыть? Это же главная фишка дома. Стеклопанная дверь открывается легко, без усилия. Шаг через порог, и город ударяет мне в лицо.

Не в прямом смысле, конечно. В прямом смысле ударяет ветер – на двадцатом этаже всегда ветрено, даже когда внизу

шить. Но вид потрясающий.

Двадцать этажей вниз – это не просто цифра. Это ощущение полета, парения над землей. Крыши домов уходят вдаль, как ступени гигантской лестницы. Ближе к центру – высотки, подальше – старая застройка, пятиэтажки, заводские трубы. А вдалеке, если присмотреться, – река. Широкая, серая, с изгибом.

Терраса прямоугольная, двадцать метров – я помню планировку. Иду по периметру, проверяю ограждения. Стекло, прозрачные, почти невидимые – я специально заказывал такие, чтобы не портить вид. Кажется, что никакой защиты нет, что можно просто шагнуть в пустоту. Но я знаю, что стекло бронированное, выдержит ураган. Я сам утверждал спецификации.

Провожу рукой по ограждению. Гладко. Чисто. Монтажники не оставили следов силикона, не накосячили с креплениями. Хорошая работа. Я запоминаю, чтобы потом, если будет нужно, рекомендовать эту бригаду.

Обхожу всю террасу. Смотрю налево – соседская сторона. Пусто. Абсолютно пусто. Ни столика, ни стула, ни цветочного горшка. Только бетонный пол и такое же прозрачное ограждение. Значит, никто не будет пялиться на меня. Идеально.

Закрываю глаза и представляю себя здесь. Утро. Чашка кофе. Город внизу просыпается, зажигаются окна, начинают ездить машины. А я сижу в тишине, смотрю и ничего не де-

лаю. Просто существую. Улыбаюсь.

Потом открываю глаза и возвращаюсь в реальность. Пока здесь только бетон и ветер. Но скоро будет то, что я придумал. Я сделаю это сам, своими руками, без дизайнеров и помощников. Потому что я знаю, как надо.

Возвращаюсь в квартиру, но дверь на террасу оставляю открытой. Пусть воздух гуляет. Пусть пространство дышит.

Спустя несколько дней переезд можно считать законченным. Последние коробки я заносу уже в сумерках. Солнце село, город за окном зажигается огнями, а в квартире становится темно и прохладно. Я включаю свет в коридоре и ставлю коробки у входа. Осталось разобрать, но это завтра. Сегодня – только самое необходимое.

Я смотрю на переноску. Оттуда не доносится ни звука. Ни мяуканья, ни царапанья, ни возмущенного сопения. Тишина. Полная, абсолютная тишина. Ставлю переноску на пол в гостиной, присаживаюсь на корточки и открываю дверцу.

– Выходи, – говорю я. – Приехали.

Из переноски медленно, с чувством собственного достоинства, выходит кошка. Я смотрю на неё. Она смотрит на меня. Маркиза – британская голубая. Бывшая жена Дарина мне все уши прожужжала про породу, про стандарты, про то, какая это честь – иметь такое животное. Кошка действительно красивая. Серо-голубая шерсть, плотная, плюшевая, как дорогой ковер. Глаза огромные, янтарные, смотрят с выражением, которое я не могу расшифровать. Морда круглая,

щекастая, с важным, почти надменным выражением.

Она выходит из переноски, делает два шага, останавливается и оглядывает гостиную. Поворачивает голову налево, смотрит на окно. Поворачивает направо, смотрит на пустую стену. Потом переводит взгляд на меня.

Этот взгляд я запомню надолго. В нем смесь презрения, снисхождения и легкого недоумения. Она смотрит на меня так, будто я – прислуга, которая забыла постелить ковровую дорожку к её приезду.

– Привет, – говорю я.

Маркиза молчит. Даже ухом не ведет. Просто продолжает смотреть. Я протягиваю руку, чтобы погладить. Она делает шаг назад. Не убегает, не шипит – просто отступает ровно настолько, чтобы я не мог до неё дотянуться. Дистанция соблюдена.

– Ладно, – говорю я. – Понимаю. Новый дом, а в прежнем ты меня особо не жаловала. Нужно время.

Маркиза молчит. Садится на пол, оборачивает хвостом лапы и продолжает смотреть на меня. Иду на кухню, нахожу миску, которую Дарина запихнула в коробку с вещами Маркизы. Миска хорошая, керамическая, с рисунком рыбок. Насыпаю корм. Только такой бренд, только определенный вкус. Ставлю миску на пол. Маркиза медленно, с королевским достоинством, подходит. Нюхает. Смотрит на меня. Снова нюхает. И начинает есть.

Молча. Абсолютно молча. Никакого мурлыканья, никако-

го довольного чавканья, никаких признаков того, что ей нравится. Просто деловой подход к процессу питания. Я сажусь на пол напротив и наблюдаю. Маркиза ест, не обращая на меня внимания. Закончив, поднимает голову, облизывается и снова смотрит на меня.

– Прости, – говорю я. – Вкусняшек нет. Завтра куплю.

Маркиза разворачивается и идет к окну. Прыжок – и она уже на подоконнике. Устраивается там, как на троне, поджмает лапы и смотрит в окно на ночной город. Отражение огней играет в её янтарных глазах. Я подхожу ближе. Она не оборачивается.

– Ну вот, – говорю я её спине. – Мы с тобой теперь вдвоём жить будем. Ты любишь тишину. Так что мы поладим.

Маркиза не реагирует. Даже уши не поворачиваются в мою сторону. Я для неё пустое место. Её любимицей была старшая дочь бывшей от первого брака. Но девочка два года назад уехала учиться. Теперь уехала и её мама, а кошка осталась мне. Чтоб я не скучал. Странная, конечно, логика.

– Я вообще не кошатник, – говорю кошке. – Собак люблю больше. Но ты же независимая. Сама по себе. Так что мы, наверное, уживёмся.

Маркиза зевает. Широко, с чувством. Потом снова закрывает пасть и продолжает смотреть в окно. Я улыбаюсь. Почему-то этот зевок кажется мне почти дружеским.

– Красивая, – говорю я. – Это я тебе как архитектор. Линии правильные. Пропорции хорошие.

Маркиза поворачивает голову и смотрит на меня. Всего на секунду. Потом отворачивается обратно к окну. Но мне показалось, или в её взгляде мелькнуло что-то похожее на одобрение?

Мебель привезут только завтра. Пока что у меня есть только раскладной стул, который я привез с собой, и матрас на полу в спальне. Но мне больше ничего и не нужно. Я лежу на матрасе, закинув руки за голову, и смотрю в потолок. Белый, ровный, без единой трещинки. Идеальный.

В квартире тихо. Не просто тихо, а звеняще, абсолютно тихо. Никаких шагов сверху – надо мной никто не живет, я специально выбирал последний этаж. Никаких голосов за стеной – соседи справа и слева пока не въехали. Никакой музыки, никаких телевизоров, никаких скандалов.

Улыбаюсь в темноте. Вспоминаю, как просыпался последние годы. Под будильник, под звуки кофемашины, под Даринины сборы на работу, под её вечное «дорогой, ты не забыл?». Под топот детей, когда они еще жили с нами. Под шум, гам, суету.

Теперь ничего этого нет. И это прекрасно. Я закрываю глаза и слушаю тишину. Она такая плотная, что кажется, её можно потрогать. Она заполняет комнату, заполняет меня, вымывает всю усталость, все тревоги, все воспоминания о последних месяцах разбирательств, дележки, адвокатов.

В коридоре слышен легкий шорох. Я открываю глаза. В проеме двери появляется силуэт. Маркиза стоит на пороге и

смотрит на меня.

– Заходи, если хочешь, – говорю я тихо.

Она не заходит. Стоит, смотрит, оценивает. Потом разворачивается и уходит обратно в гостиную.

Я снова закрываю глаза. Тишина возвращается. Думаю о том, что будет завтра. Мебель, разбор коробок, поход в магазин за продуктами. Обычные дела, обычная жизнь. Никаких сюрпризов, никаких неожиданностей.

Именно этого я и хочу. Спокойной, предсказуемой, тихой жизни. Никаких детей, никаких скандалов, никакой музыки. Только я. И кошка, которая, может быть, когда-нибудь перестанет меня игнорировать. Улыбка не сходит с лица.

Тишина обволакивает меня, как теплое одеяло. Я закрываю глаза и засыпаю. Быстро, легко, без сновидений. Впервые за долгое время – спокойно. Потому что завтра начнется новая жизнь. Моя жизнь. Моя крепость.

Глава 2. Джаз и беспорядок

– Ма-а-ам! – Соня выскакивает из лифта первой, даже не дожидаясь, пока я возьму сумки. – Мам, смотри, сколько тут места!

Я только и успеваю, что схватить её за капюшон ветровки, но она уже вырывается и бежит по коридору к двери нашей новой квартиры. Ключи у меня, но дочери всё равно. Её внутренний энерджайзер уже заработал на полную.

– Соня, стой на месте! – кричу я вслед.

– Я только посмотрю наш этаж!

К счастью, двери на балконы из коридора закрыты. Соня стоит перед ней, приплясывая от нетерпения, когда я подхожу с двумя тяжелыми сумками и рюкзаком на плече.

– Открывай быстрее!

– Дай хотя бы сумки поставить.

Я ставлю сумки на пол, роюсь в кармане в поисках ключей. Соня дышит мне в затылок.

– Ма-ам!

– Секунду. Имей хоть капельку терпения, дочь!

Наконец нахожу нужный ключ, вставляю в замок, поворачиваю. Дверь открывается, и Соня влетает внутрь раньше, чем я успеваю сделать шаг.

– Ух ты-ы-ы! – несется из прихожей. – Мам, иди сюда! Здесь даже пахнет совсем по-новому!

Я захожу, оставляю сумки у входа и оглядываюсь. Прихожая небольшая, но светлая. Встроенный шкаф, зеркало во всю стену, пустые вешалки. Пока ещё пустые.

Из гостиной доносится топот. Соня уже там, исследует территорию.

– Мам, тут окна огромные! И вид! Иди смотри!

Я иду на голос. Гостиная встречает меня светом – солнце сейчас как раз заливает всё пространство через панорамные окна. Вид действительно открывается впечатляющий: крыши, деревья, вдалеке река. Соня уже прилипла к стеклу, разглядывая двор.

– Двадцатый этаж, – говорит она. – Мы высоко живем, да?

– Высоко.

– А можно я буду смотреть в окно каждый день?

– Можно.

Она оббегает гостиную по периметру, заглядывает во все углы, открывает двери в другие комнаты.

– А тут спальня! А тут ещё одна! А это что?

– Ванная.

– А тут?

– Туалет, Соня, не открывай каждую дверь подряд.

Но она уже открыла. И закрыла. И побежала дальше.

В коридоре появляются грузчики с первыми коробками.

– Куда ставить? – спрашивает главный, здоровый мужчина в синей форме.

– В гостиную пока, – говорю я. – Все в гостиную, потом разберем.

Они заносят коробки. Одну, вторую, третью. Пятая, десятая, пятнадцатая. Гостиная быстро заполняется коричневыми картонными башнями.

– Это все? – спрашиваю я, когда они вносят последнюю.

– Восемнадцать штук, всё по списку, – главный протягивает планшет. – Распишитесь.

Я расписываюсь, грузчики уходят. Дверь закрывается, и мы остаемся вдвоем с Соней посреди этого коробочного лабиринта.

– Ух ты, – говорит Соня. – Как много!

– Это не «ух ты», дочь! Это восемнадцать коробок, которые надо разобрать.

– Я помогу!

– Точно поможешь? Или будешь мешать.

– Не буду! Я уже большая!

Я смотрю на неё. Стоит, руки в боки, косички торчат, веснушки на носу. Десять лет. Большая.

– Ладно, – вздыхаю я. – Помогай. Но только аккуратно.

Соня кидается к ближайшей коробке. Я даже не успеваю сказать, что надо начинать с тех, на которых написано «кухня». Нам даже воды не из чего выпить.

– Соня, не эту!

Поздно. Коробка уже открыта. Оттуда, как конфетти, разлетаются мои рисунки. Старые, ещё с института, которые я храню на память. И ноты. И какие-то афиши.

– Соня!

– Я помочь хотела! – кричит она, пытаясь собрать разлетевшиеся листы. Но получается только хуже – она наступает на один, сминает другой, третий рвется.

Я закрываю глаза и считаю до десяти.

– Соня, – говорю максимально спокойным голосом. – Иди в ту комнату, которую выбрала себе, и разбирай свои вещи. А здесь я сама.

– Но я хочу помогать!

– Помогай там. Свои вещи разложи.

Она смотрит на меня, оценивая, можно ли поспорить. Ре-

шает, что нельзя, и уходит в спальню. Я остаюсь одна посреди коробок, разбросанных рисунков и наступающего вечера. И до концерта всего ничего. Соня выглядывает из спальни:

– Мам, а можно я потом на террасу пойду?

– Можно. Из твоей комнаты тоже можно на неё выйти.

– Ура!

Голова исчезает. Я слышу, как она там что-то перекладывает, напевает, разговаривает сама с собой. Я начинаю собирать рисунки.

– Соня, пожалуйста, помолчи хоть немного! – кричу ей.

Из её спальни доносится:

– Мамочка, я создаю атмосферу жилой квартиры!

Я улыбаюсь, несмотря ни на что. Ага! Получай, мать, своими же словами. Сама же всегда говорю, что в доме, где живут, не может быть тихо.

Проходит час. Два. Три. Коробки понемногу пустеют, вещи находят свои места. Процесс идет медленно, потому что я постоянно отвлекаюсь. Достаю ноты – и рассматриваю. Достаю платки – и вспоминаю, где покупала каждый. Достаю кружки – и ставлю их не в шкаф, а просто на подоконник, потому что там красиво.

Квартира постепенно наполняется нами. На полу в гостиной уже разложены стопками ноты. Не потому, что некуда убрать, а потому что мне так удобно. Я буду их перебирать позже, раскладывать по папкам. Пока пусть полежат.

На спинках стульев висят платки. Яркие, шелковые, с узо-

рами – я собирала их много лет. Ирина, моя приятельница-дизайнер, всегда говорит, что так красивые вещи не хранят. А я храню. Мне нравится, когда платки яркими пятнами превращают комнату во что-то уникальное. Мы с Соней частенько берём платки, когда танцуем и поём. Всю коллекцию разместить негде. Большая часть платков отправляется на тремпель и в шкаф.

На подоконнике уже выстроились кружки. Штук десять. Разные: большие и маленькие, с рисунками и без, подаренные и купленные спонтанно. Я люблю пить чай из разных кружек. Настроение – кружка. Утром хочется одну, вечером – другую. Когда-то этим своим непостоянством я дико бесила Сониного отца. У того должна быть идеальная тишина и максимальная пустота в квартире. А дочь в меня пошла. Ей нужно, чтоб по максимуму жизни, звуков и красок. Потому и сама не молчит ни секунды.

Соня периодически выбегает из своей комнаты, чтобы показать очередной рисунок или задать очередной вопрос.

– Мам, смотри, я нашла свои старые рисунки! Помнишь, я рисовала кота?

– Помню.

– А можно я повешу его на стену?

– Потом. Обязательно повесим.

– А когда потом?

– Когда разберем все коробки.

– А когда мы разберем все коробки?

– Соня! Когда-нибудь разберём. Надеюсь, что сегодня.

– Ладно-ладно.

Она убегает обратно. Через пять минут появляется снова.

– Мам, а у нас будет интернет?

– Будет. Завтра подключат.

– А телевизор?

– Телевизора не будет.

– А как же мультики?

– На планшете.

– А планшет где?

– В коробке.

– В какой?

– Соня.

– Ладно-ладно.

И снова исчезает. Я достаю очередную коробку. В ней – фотографии. Старые, распечатанные, ещё с тех времен, когда фото хранили не в телефонах, а в альбомах. Листаю. Вот я на первом курсе, с дурацкой стрижкой. Вот мы с подругами на пляже. Вот... Я быстро переворачиваю фотографию. Там, где мы с ним. Не надо сейчас. Не время. Убираю фотографии обратно в коробку и задвигаю подальше. Потом. Когда-нибудь потом.

– Ма-а-ам! – кричит Соня из своей комнаты. – А можно кошку?

– Что? Кого?

– Кошку! Можно завести?

– Соня, у нас восемнадцать коробок неразобранных. Какая нам кошка?

– Ну и что? Кошке коробки нравятся. Она бы в них пряталась, играла и спала.

– А мы бы инфаркт получали в поисках кошки. Нет.

– Почему?

– Потому что у нас нет времени на кошку. Я на работе, ты в школе. Кошка будет одна целыми днями. Ей скучно будет.

– А соседская кошка? Она же тоже одна целыми днями?

– Какая соседская?

– Ну там, на террасе, я видела домик. Значит, у соседей есть кошка. И они же как-то справляются.

– Сонь, я сказала нет.

Она надувается, но спорить перестает. Пока. Я слишком хорошо знаю свою девочку. От идеи с домашним питомцем она так легко не откажется.

Я смотрю на часы. Вечереет. Пора собираться на концерт.

– Соня, я в душ. Ты тут без меня не устраивай форс-мажоров не устраивай.

– А что такое форс-мажор?

– Соня, нормально води себя. Без приключений, пожалуйста!

– Ладно-ладно.

Я иду в ванную, оставляя её среди коробок. Слышу, как она поет что-то себе под нос. Потом затихает. Потом слышен стук – она открывает дверь на террасу.

Я только выхожу из душа, завернувшись в полотенце, как с террасы доносится визг. Счастливый и восторженный визг Сони и вопль следом:

– Ма-а-ам! Мам, иди сюда быстрее!

Я накидываю халат и бегу в гостиную. Сердце колотится – вдруг что-то случилось? Соня стоит на террасе, прижавшись к стеклянному ограждению, и показывает пальцем в сторону.

– Мам, смотри! Там точно живёт кошка!

Я выхожу на террасу. Ветер сразу взлохмачивает мокрые волосы, но я не обращаю внимания. Смотрю, куда показывает Соня.

На соседской террасе у стены стоит кошачий домик. Такой мягкий, с крышей, как маленький замок для кошки. Рядом – миска. И лежанка. Всё чистое, новое, аккуратно расставленное.

– Видишь? – Соня подпрыгивает от нетерпения. – Там кошка живёт! Вон домик, вон миска! Мам, там кошка!

– Я вижу.

– А можно мы тоже заведём кошку? Ну пожалуйста!

Я вздыхаю. Не прошло и получаса. Этот разговор мы ведем уже третий год.

– Сонь, у нас нет времени на кошку. Мы еле свои вещи разобрали. И то не до конца.

– Мы разберем!

– Кошку надо кормить, убирать за ней, возить к ветери-

нару.

– Я буду!

– Ты в школе.

– А ты?

– Я на работе.

– А кошка будет одна?

– Да.

– Ну и что? Вон та кошка тоже одна. И ничего.

Я смотрю на соседскую террасу. Действительно, чисто, пусто, стерильно. Ни одного лишнего предмета, кроме кошачьих принадлежностей. Даже стульев нет. Интересно, кто там живёт? Одинокий человек с кошкой? Семья? Пенсионер?

– Ма-ам, ну пожалуйста! – тянет Соня.

– Я подумаю.

– Это значит нет, - сокрушается дочь.

– Это значит подумаю.

Она надувается, но быстро отвлекается. Замечает внизу что-то интересное и переключается на это.

Я ещё раз смотрю на соседскую террасу. Аккуратно. Чисто. Почему-то это вызывает у меня легкую усмешку. Наверное, там живёт такой же педант, как мой бывший. Который всё раскладывает по полочкам и терпеть не может беспорядок.

Интересно, как они там, эти педанты? Счастливы? Наверное, да. У них же всё по плану. Я отворачиваюсь и иду в

квартиру. Пора собираться на концерт.

– Соня, заходи, прохладно становится.

– Я ещё чуть-чуть!

– Пять минут.

– Ладно.

Она остаётся на террасе, а я иду в спальню – выбирать, что надеть сегодня.

В спальне хаос. Коробки, вещи, разбросанная одежда. Я роюсь в поисках чёрного платья – оно где-то здесь, я точно помню, что положила его в отдельную сумку. Выдыхаю, когда нахожу.

Сажусь перед зеркалом, которое уже успела прислонить к стене, и начинаю краситься. Тональный крем, консилер, тени, подводка. Механические движения, отточенные годами. Можно делать и думать о своём.

Соня заходит и плюхается на кровать.

– Мамочка, ты красивая, – говорит она.

– Спасибо.

– А можно я с тобой сегодня?

Я смотрю на неё в зеркало. Сидит, поджав ноги, смотрит с надеждой.

– Тебе завтра в школу.

– Ну ма-ам! Я хочу посмотреть, как ты поёшь.

– Ты сто раз видела.

– Дома – да, а в ресторане – нет.

– В ресторан детей не пускают, ты знаешь.

– А когда мне будет можно?

– Когда вырастешь.

– А когда я вырасту и буду певицей, ты меняпустишь?

Я откладываю кисточку и поворачиваюсь к ней.

– Когда ты вырастешь и будешь певицей, я буду сидеть в зале и хвастаться всем, что это моя дочь.

Соня расплывается в улыбке.

– Правда?

– Правда.

– И ты будешь мной гордиться?

– Я уже тобой горжусь.

Она вскакивает с кровати и обнимает меня со спины.

– Я тебя люблю, мам.

– Я тебя тоже, маленькая.

– Я не маленькая, мне десять.

– Ты моя маленькая. Даже когда тебе будет пятьдесят.

Она смеётся и убегает. Слышу, как она снова идёт на террасу – проверить, не появилась ли наконец там кошка.

Я допиваю кофе и дорисовываю стрелки. Чёрное платье, чёрные туфли, минимум украшений. На сцене главное – голос, а не блёстки. Подхожу к окну, смотрю на вечерний город. Где-то там, за стенами этого дома, меня ждёт ресторан, пианист, контрабасист, привычный уют джазового вечера. А здесь, за моей спиной – новая квартира, неразобранные коробки и дочь, которая уже спит или притворяется, что спит. Всё как всегда. Всё как надо.

– Соня, я ушла! – кричу в коридор.

Из спальни доносится сонное: «Пока, мам... Спой хорошо...»

Я улыбаюсь и выхожу.

Возвращаюсь почти в одиннадцать. Уставшая, но довольная – концерт прошёл отлично, зал принимал тепло, музыканты были в ударе. В голове ещё звучат аплодисменты, когда я открываю дверь квартиры.

Тихо. Темно. Соня спит.

Я разуваяюсь в прихожей, вешаю пальто, прохожу в гостиную. И замираю. На кухне горит свет. Захожу туда и вижу Соню. Она сидит за столом с кружкой молока и смотрит на меня круглыми глазами.

– Я не спала, – сообщает она.

– Я вижу. Ты почему не в кровати?

– Ждала тебя.

– Сонь, завтра в школу.

– Я знаю. Но я волнуюсь.

– Из-за чего?

– Завтра же концерт в школе. Я буду петь. А у меня не получается тот переход, помнишь?

Я вздыхаю. Сажусь рядом.

– Помню.

– Mam, спой со мной? Пожалуйста! Мне надо ещё раз попробовать, а то я не усну.

Смотрю на часы. Почти полночь.

– Сонь, уже поздно. Соседи...

– Ну ма-ам! Мы тихонечко!

Она смотрит на меня щенячьими глазами. Я не выдерживаю.

– Ладно. Только тихо.

Мы выходим в гостиную. Я сажусь на пол, Соня встаёт рядом. Никакого пианино, только наши голоса.

– Давай с начала. Вдох, выдох, и поехали.

Мы начинаем распеваться. «Ми-и-и-и...» – тяну я. Соня повторяет. «Ма-а-а-а...» – снова я, снова она.

– Ниже, – говорю я. – Чувствуй диафрагмой.

Она пробует. Получается лучше.

– А теперь тот самый переход. Слушай меня.

Я пою. Она слушает, потом пробует повторить. Сначала фальшивит, смеётся. Потом собирается, пробует снова. Чище. Ещё раз. Почти.

– Получается! – шепчет она в восторге. – Мам, получается!

– Да, молодец. Ещё раз.

Мы поём вместе. Я веду, она подстраивается. Наши голоса сливаются, переплетаются, звучат в тишине новой квартиры. За окном ночной город, вокруг неразобранные коробки, на полу ноты, на стульях платки. Дома.

– Мам, – говорит Соня, когда мы заканчиваем. – А как думаешь, нас соседи слышат?

– Надеюсь, нет. Поздно уже.

– А если слышат?

– Тогда пусть знают, что у нас поющая семья.

Соня смеётся и обнимает меня.

– Я люблю тебя, мам.

– Я тебя тоже. А теперь спать.

– А ты?

– И я.

Мы идём в спальни. Я укладываю её, поправляю одеяло, целую в лоб.

– Спокойной ночи, маленькая.

– Спокойной ночи, мам.

Я выключаю свет и выхожу. Иду в гостиную, сажусь на подоконник, смотрю на город. Где-то там, за стеной, может быть, кто-то нас слышал. Может быть, кто-то сейчас тоже не спит.

Интересно, кто там живёт? С кошкой, с домиком, с миской. Скорее всего, кто-то, кто любит порядок и тишину. Бедный. С такими соседями, как мы, тишины ему не видать. Я улыбаюсь и иду спать.

Глава 3. Первая нота

Я просыпаюсь от тишины. Это не оксюморон. Это просто факт. Я открываю глаза и первое, что осознаю – вокруг ни звука. Никаких шагов сверху, никаких голосов за стеной, никакого шума с улицы.

Поворачиваю голову, смотрю на часы. 6:45. Идеально. Организм сам знает, когда пора вставать, без будильников и

напоминаний. Это называется дисциплина. Или профессиональная деформация. Или просто я человек, который привык контролировать всё, включая собственный сон. Потягиваюсь. Вчерашний день был долгим – переезд, коробки, разбор самого необходимого. Но спал я отлично. Впервые за последние месяцы – без снов, без кошмаров, без утреннего ощущения разбитости.

Встаю, натягиваю халат и иду на кухню. Маркиза уже сидит на подоконнике и смотрит на меня с обычным своим выражением: «Я здесь главная, а ты просто прислуга». Я прохожу мимо, игнорируя этот взгляд.

Кофе-машина тихо урчит, перемалывая зёрна. Единственный звук, который я допускаю в своём доме по утрам. Пока варится кофе, достаю из холодильника сливки – для себя, не для кошки. Маркиза получает свой завтрак позже, когда соизволит слезть с подоконника и напомнить о своём существовании. Кофе готов. Наливаю в большую белую кружку без рисунка – идеальную кружку – и выхожу на террасу.

Утро встречает меня солнцем и ветром. Город внизу ещё сонный, только начинает просыпаться. Где-то далеко едут первые машины, зажигаются окна в домах напротив. Я делаю глоток кофе и просто смотрю. Вид открывается потрясающий. Крыши, деревья, река вдалеке. Солнце только поднимается, и его лучи окрашивают всё в золотисто-розовый. Я специально выбирал квартиру с восточной стороны – люблю встречать рассвет.

Стою так минут десять. Просто дышу. Ни о чём не думаю. Позволяю себе роскошь быть здесь и сейчас, без мыслей о прошлом и будущем. Маркиза выходит на террасу, садится рядом и тоже смотрит на город. Мы молчим. Идеальное утро.

Потом возвращаюсь в квартиру, сажусь за рабочий стол. Ноутбук открывается, на экране – чертёж торгового центра в спальном районе. Три этажа, стекло, бетон. Проект почти готов, осталось доделать визуализацию к пятнице. Начинаю работать. Тишина. Покой. Никто не дёргает, не отвлекает, не просит «дорогой, поговорим». Только я, чертёж и мерное урчание кошки. Идеально.

Проходит полчаса, и начинается это. Сначала тихо, еле слышно. Я думаю – показалось. Может, ветер? Может, трубы? Но звук повторяется, становится громче, настойчивее.

«Ми-и-и-и...»

Я замираю с мышкой в руке. Прислушиваюсь.

«Ма-а-а-а...»

Гаммы. Кто-то поёт гаммы. Женский голос. Или детский? Нет, два голоса вместе? Звук идёт откуда-то справа. Из-за стены. Из соседней квартиры. Смотрю на часы. 7:40 утра. Кто в здравом уме поёт гаммы в такое время? В будний день? В новом доме, где стены, кажется, тоньше, чем я рассчитывал.

Хотя, знал я одну такую любительницу. Пытаюсь не обращать внимания. Возвращаюсь к чертежу. Линии, текстуры, свет. Но гаммы не прекращаются. Они становятся толь-

ко громче.

«Ми-и-и-и... ма-а-а-а... ми-и-и-и... ма-а-а-а...»

Я смотрю на стену. За ней явно кто-то распевается. И, судя по звуку, это не профессионал. Или не только профессионал. Потому что иногда гаммы срываются, раздаётся смех, и всё начинается сначала.

Дети? У моих соседей есть дети? Я же специально выбирал дом, где мало семей. Где больше одиночек, как я, или пожилых пар. А тут – дети. И пение. В семь утра.

Глубокий вдох. Выдох. Я справлюсь. Это временно. Может, они просто в гостях? Или помогают с переездом хозяевам и скоро уйдут. Продолжаю работать.

Проходит пятнадцать минут. Двадцать. Тридцать. Гаммы не прекращаются. А я уже не могу сосредоточиться. Каждая нота въедается в мозг, отвлекает, раздражает. Я пытался работать в наушниках – включал белый шум, включал инструментальную музыку, включал даже звуки дождя. Ничего не помогает. Гаммы пробиваются через всё.

Снимаю наушники. Гаммы продолжают. Теперь это целые музыкальные фразы. Кто-то поёт уже не просто «ми-ма», а что-то более сложное. Кажется, джаз? Или мне кажется? Смотрю на часы. Сорок пять минут. Сорок пять минут непрерывного пения.

Встаю из-за стола, подхожу к стене. Просто стою и слушаю. Голос красивый, надо признать. Женский, глубокий, с хрипотцой. Иногда к нему присоединяется детский – тонь-

ше, выше, менее уверенный. Они поют вместе, и звучит это очень даже неплохо. Даже хорошо. Но не в это время.

Возвращаюсь к столу, открываю телефон. Захожу в домовый чат – тот самый, куда меня добавили при покупке квартиры. Листаю. Ни одного сообщения о шуме. Никто не жалуется. Неужели я один здесь, кто ценит тишину по утрам? Неужели остальные или глухие, или уже привыкли, или сами такие же?

Я смотрю на стену. За ней всё ещё поют. Теперь это какая-то грустная мелодия, медленная, тягучая. Женский голос выводит что-то про луну и потерянную любовь. И что-то в этом пении мне кажется неуловимо знакомым.

– Чёрт, – говорю я вслух.

Маркиза, дремлющая на подоконнике, открывает один глаз, смотрит на меня с укоризной и снова закрывает.

Я сажусь и пытаюсь работать дальше. Но мысли не идут. В голове крутятся эти гаммы, эти ноты, этот голос. Кто она? Профессиональная певица? Преподаватель вокала? Просто сумасшедшая, которая любит петь по утрам? И почему именно сейчас, именно здесь, именно через стенку мной?

Через час я сдаюсь. Открываю домовый чат, нажимаю «новое сообщение». И замираю. Что писать? «Уважаемые соседи, заткнитесь»? Так не пойдёт. Я воспитанный человек. Я архитектор. Я умею формулировать мысли.

Печатаю медленно, тщательно подбирая слова: «Уважаемые соседи из 104-й квартиры. Очень рад за ваши вокаль-

ные успехи, но стены здесь довольно тонкие. Не могли бы вы учитывать это в будущем? Заранее спасибо за тишину».

Перечитываю три раза. Вроде вежливо. Вроде не агрессивно. Вроде по делу. Нажимаю «отправить». Сообщение уходит в чат. Я откладываю телефон и пытаюсь работать. Но краем глаза поглядываю на экран – не появится ли ответ.

Ответ появляется через пять минут. «Принято. Обещаем учесть и петь в полный голос исключительно в разрешённое время. С уважением, 104-я квартира». И в конце – смайлик в виде нотки.

Я смотрю в экран и пытаюсь понять, это сарказм или они правда будут петь тише. Судя по смайлику, это сарказм. В этот момент гаммы за стеной прекращаются. Наступает тишина. Я выдыхаю. Сработало. Но ненадолго.

Через минуту раздаётся голос – теперь уже не гаммы, а целая песня. Джазовая, с явным вызовом. Женщина поет громко, чисто, с явным удовольствием. И мне кажется, или она специально делает это громче, чем раньше?

Я снова беру телефон. «Это сарказм?» – пишу я. Ответ приходит мгновенно: «Это джаз». Я смотрю на экран. Потом на стену. Потом снова на экран.

– Вот чёрт, – говорю я.

Маркиза открывает глаза и смотрит на меня с выражением: «Я же говорила, что люди – ошибка природы». Я не отвечаю. Просто сижу и слушаю джаз. Который ненавижу после одной любительницы бардака. Который теперь звучит ещё

громче. И, кажется, ещё наглее.

День проходит как в тумане. Я пытаюсь работать, но сосредоточиться не получается. Джаз за стеной то затихает, то возникает снова. Иногда это просто фон, иногда – наглое напоминание о том, что я не один в этом доме.

Ближе к вечеру становится тихо. Я выдыхаю, доделываю чертежи, ужинаю. Ложусь спать пораньше, надеясь, что утро будет лучше.

Не будет. Я просыпаюсь в два часа ночи. И не могу уснуть. В голове крутятся эти дурацкие гаммы. «Ми-и-и-и... ма-а-а-а...» И этот ответ: «Это джаз». И эта наглая нотка-смайлик.

Кто она вообще такая? Живёт за стеной, поёт по утрам, издевается в чате. Может, ей лет пятьдесят и она бывшая солистка оперетты? Может, ей двадцать и она студентка консерватории? Голос у неё определённо красивый, если честно. Даже очень красивый.

Я лежу и смотрю в потолок. За стеной тихо. Соседка спит, наверное. Или просто молчит. А я не сплю. Я думаю о ней. О женщине за стеной, которая поёт гаммы по утрам и пишет «это джаз» в ответ на вежливую просьбу о тишине.

Странно. Мы даже не знакомы. Я не знаю её имени, не знаю, как она выглядит, не знаю, одна ли она живёт или с семьёй. Но я уже думаю о ней и безумно раздражаюсь. Потому что она нарушила мою тишину. Вторглась в мой идеально спланированный мир. И мне это не нравится. Совсем не нравится.

Я переворачиваюсь на другой бок. Закрываю глаза. Приказываю себе спать. Не получается. В голове снова: «Ми-и-и-и... ма-а-а-а... это джаз...»

Чёрт. Я смотрю на стену. За ней – она. Та, кто теперь будет звучать в моих ушах каждое утро. Та, кто разрушила мою идеальную тишину.

Интересно, она хоть представляет, что натворила? Вряд ли. Она просто поёт. Просто живёт. Просто не думает о соседях за стеной. А я думаю. Теперь буду думать каждое утро.

Я вздыхаю и закрываю глаза. Завтра будет новый день. И новые гаммы. И новый джаз. Надо привыкать. Или надо что-то делать. Но что? Я не знаю. Пока не знаю.

Но одно я знаю точно: эту женщину я теперь не забуду. Даже если никогда не увижу. Потому что её голос уже вьётся в память. Как заноза. Как навязчивая мелодия, от которой не избавиться.

– Чёрт, – шепчу я в темноту.

Маркиза спит на подоконнике. Ей всё равно. Ей всегда всё равно.

А мне не всё равно. И это очень странно. Я задумываюсь о соседке. Какая она? И почему мне вдруг так важно это узнать? Ответа нет. Есть только тишина. И в этой тишине – эхо её голоса. Я засыпаю под утро. С мыслью о женщине за стеной, которая поёт джаз.

Глава 4. Побег

Утро начинается как обычно. Тишина и кофе. Только за

чертежи сегодня не сажусь. Сегодня у меня выезд на объект. Собираюсь очень быстро, как всегда. Джинсы, свитер, куртка. Планшет и ноутбук в сумку, ключи в карман. Телефон, пауэрбанк, наушники – на всякий случай, если придется кого-то ждать.

Маркиза сидит на подоконнике в гостиной. Окно на террасу приоткрыто – я вчера вечером оставил, она любит свежий воздух. Сидит и смотрит на улицу, как королева на свои владения. Уши насторожены, глаза следят за птицами где-то вдалеке.

Подхожу к ней, протягиваю руку. Она позволяет себя погладить. Ничего себе какая редкая благосклонность! Обычно кошка уворачивается. Видимо, настроение хорошее.

– Сиди тихо, – говорю я. – И води себя хорошо. В отличие от некоторых соседей.

Маркиза жмурится. Согласна? Или просто игнорирует? С ней никогда не поймешь.

Хочу закрыть окно, но кошка возмущённо мяукает. Да ладно? Ты мне будешь условия диктовать? Всё-таки берусь за оконную ручку и моментально получаю лапой по руке. Без выпущенных когтей. Но, судя по взгляду, следующее предупреждения я получу уже красными полосками на руке. Выглядываю – и на моей половине террасы, и на соседской стеклянные створки закрыты. Так что полёт с высоты серой террористке не грозит. Решаю не трогать окно. Ещё не хватало оцарапанным на важную встречу явиться.

– Я вернусь вечером, – говорю на прощание. – Еда в миске, вода свежая. Не скучай.

Маркиза даже не оборачивается. Смотрит в окно. Я ухожу. Захлопываю дверь, проверяю замок. Лифт, холл, улица. Солнце, ветер, город. Обычный день. Я сажусь в машину и уезжаю на объект. Даже не подозревая, что творится в моей квартире через пять минут после моего ухода.

Маркиза ждет ровно три минуты после того, как за хозяином закрывается дверь. Она вообще любит выдерживать паузу – это приличествует её королевскому статусу. Потом спрыгивает с подоконника и выходит на террасу.

Солнце уже высоко, пол греется, приятно. Она обходит свою территорию по периметру. Проверяет углы, трется о стены, оставляет метки. Всё в порядке. Всё как обычно. Кроме одного. С соседской стороны доносятся запахи.

Маркиза останавливается, нюхает воздух. Запахи интересные: еда, люди, что-то сладкое, что-то мясное. И звуки – голоса, смех, движение. Жизнь.

Она подходит к границе. Перегородка невысокая – чисто символическая, отделяет одну террасу от другой. Люди, наверное, считают это серьёзным препятствием. Но Маркиза – не люди.

Она изучает перегородку. Нюхает, трогает лапой, оценивает высоту. Примерно полметра. Для кошки с её способностями – раз плюнуть.

С той стороны снова доносится запах. Что-то очень вкусное. Колбаса? Да, точно колбаса. И детский голос.

Маркиза принимает решение. Она отходит немного назад, прицеливается, и прыгает. Легко, грациозно, почти без усилий. Приземляется на соседской террасе. И замирает.

Осматривается. Здесь всё почти так же, как и на её половине. Бетон, ограждение, окна, солнце. Но пахнет... пахнет жизнью. Из открытой двери доносятся голоса, музыка, запах еды. Маркиза делает шаг, другой. Идёт на запах. К двери.

Соня выходит на террасу с бутербродом. Большим, с колбасой, которую мама специально купила вчера. Она любит колбасу. Не «детскую», а нормальную, копчёную, которую мама говорит «нельзя много». Садится на пол, кладет бутерброд на колени и смотрит вниз. Город с двадцатого этажа кажется игрушечным. Машинки, домики-пятиэтажки вдали, люди-точки. Интересно.

Краем глаза замечает движение. Поворачивает голову. И замирает. На террасе, в двух метрах от неё, стоит кошка. Большая, серая, пушистая, с огромными жёлтыми глазами. Смотрит прямо на Соню. И на бутерброд.

Соня не дышит несколько секунд. Потом воздух вырывается из лёгких вместе с визгом.

– А-а-а-а!

Кошка даже не двигается. Просто смотрит. Спокойно, с достоинством, как будто говорит: «Ну что ты орёшь? Я же

не тигр». Соня зажимает рот рукой. Потом медленно, боясь спугнуть, тянет свободную руку к кошке.

– Кис-кис-кис, – шепчет она. – Иди сюда, маленькая...

Кошка подходит. Не спеша, с чувством собственного достоинства. Трётся о Сонины ноги. Смотрит на бутерброд.

– Ты есть хочешь? – Соня в восторге. – На, держи!

Она отламывает кусок колбасы и протягивает кошке. Та берёт аккуратно, прямо с ладони, жуёт. Соня чувствует прикосновение кошачьих усов и чуть не визжит снова от счастья.

– Ты кошечка! – шепчет она. – Ты - та самая кошечка с той стороны! Я видела твой домик! Ты пришла в гости!

Кошка доедает колбасу и снова трётся о ноги. Соня гладит её по спине. Шерсть мягкая, тёплая, как плюш. Кошка жмурится и начинает мурлыкать.

– Какая ты красивая, – бормочет Соня. – Какая ты мягкая. Я тоже хочу кошку, но мама не разрешает. А ты, наверное, сбежала от своих хозяев? Или ты бездомная? Нет, у тебя ошейник. Значит, ты чья-то.

Кошка мурлыкает громче. Соня гладит её и чувствует, что это лучший день в её жизни. Почти лучший. Сейчас будет лучший.

– Мама! – кричит она. – Мама, иди сюда скорее!

Кошка дёргает ухом, но не уходит. Смотрит на дверь, откуда сейчас появится кто-то ещё.

Я вылетаю на террасу, даже не успев вытереть руки после мытья посуды. Сонин крик был такой, будто случилось что-

то ужасное.

– Что?! Что случилось?!

И застываю. Соня сидит на полу. Рядом с ней – кошка. Большая, серая, с важным лицом. Кошка смотрит на меня с таким выражением, будто я здесь лишняя, а не она к нам заявила.

– Мам, смотри! – Соня сияет. – Кошка! Она пришла к нам в гости!

Я выдыхаю. Сердце ещё колотится, но уже не от страха, а от неожиданности.

– Соня, не трогай, – говорю я автоматически. – Она же чужая? И вдруг она дикая?

– Мам, у неё ошейник! – Соня показывает. – Видишь? Она домашняя!

Я присматриваюсь. Действительно, на кошке тонкий кожаный ошейник с маленьким металлическим жетоном. Домашняя. Чья-то.

– Можно мы её покормим? – Соня уже строит умильные глазки, как у кота из Шрэка. – У неё, наверное, животик голодный!

Кошка, как по заказу, подходит ко мне и трётся о ноги. Смотрит снизу вверх жёлтыми глазами. И я, хоть и не кошатница вообще, невольно улыбаюсь. Красивая, зараза.

– Ладно, – говорю я. – Но только один раз. И потом мы вернём её хозяевам.

– Ура! – Соня вскакивает. – Я сейчас! Я за колбасой!

Она убегает в квартиру. Кошка провожает её взглядом, потом снова смотрит на меня. Я присаживаюсь на корточки.

– Ты чья? – спрашиваю я. – Откуда ты взялась?

Кошка молчит. Смотрит. Потом снова трётся.

– Ладно, пошли в дом, раз пришла.

Я беру её на руки и заносу в квартиру. Она не сопротивляется, только чуть напрягается.

Кошка ведёт себя так, будто здесь её дом. С первого шага. Соня уже прибежала с колбасой, отрезает кусочки и кладёт на тарелку. Кошка подходит, нюхает, ест. Медленно, с достоинством. Королевская особа, не иначе.

Пока она ест, я рассматриваю её получше. Шерсть густая, серая с голубоватым отливом. Глаза жёлтые, огромные. Морда круглая, щекастая. Породистая, явно. Такие кошки просто так на улице не живут.

После еды кошка отправляется исследовать квартиру. Она обходит каждую комнату, заглядывает в каждый угол, обнюхивает каждую коробку. На кухне задерживается у мойки, на кухне – у холодильника. В спальне запрыгивает на кровать, мнёт лапами одеяло, устраивается поудобнее.

Соня ходит за ней хвостиком и комментирует:

– Смотри, она на кровать полезла! Мам, можно она полежит? Она устала, наверное... Ой, она на мои рисунки смотрит! Тебе нравится, да?

Кошка не отвечает, но, кажется, ей действительно всё интересно. Она изучает этот новый мир с любопытством опы-

ного путешественника.

Я сажусь на диван и наблюдаю. Интересно, чья она? Судя по домику на соседской террасе, оттуда. Значит, соседи. Те самые, которые с кошкой. Те самые, которые любят тишину? Или не любят?

– Мам, – Соня подбегает ко мне. – Мам, может, она бездомная? Может, мы её оставим?

Я вздыхаю.

– Соня, – хохочу я. – Как бездомная кошка могла попасть на закрытую террасу двадцатого этажа. У неё же ошейник. Она точно чья-то.

– Но она же к нам пришла! Значит, ей у нас нравится!

– Это ничего не значит. Кошки гуляют сами по себе. Она поест и уйдёт обратно к себе.

– А если не уйдёт?

– Соня.

– Ну ма-ам!

– Мы не можем забрать чужую кошку. Её хозяин, наверное, уже ищет. Переживает.

Соня надувается, но спорить перестаёт. Садится рядом с кошкой и гладит.

– Красивая, – говорит она. – Если бы я была кошкой, я бы тоже к нам пришла.

Я смотрю на них и чувствую что-то странное. Тепло. Уют. Будто кошка всегда здесь была. Но тут же отбрасываю эту мысль. Хватит с нас проблем. Кошка вернётся к хозяевам,

а мы останемся как жили. Без кошек. Но пока... пока пусть погостит.

Кошка, словно услышав мои мысли, подходит и запрыгивает ко мне на колени. Устраивается, сворачивается клубочком и начинает мурлыкать. Я смотрю на неё. Она смотрит на меня жёлтыми глазами.

– Ладно, – говорю я. – Часок можешь побыть. Потом пойдём искать твоего хозяина.

Кошка жмурится. Соня сияет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.